

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-3-96-107

Ю.В. Щербинина

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Книжные артефакты на страницах русской классики

Аннотация. Статья посвящена обзорному описанию артефактов книжной культуры, связанных с предметной средой, библиотековедением, читательскими практиками и встречающихся в текстах произведений русской литературной классики в качестве исторических, интерьерных, сюжетных, психологических и прочих деталей. Рассматриваются предметы повседневного книгопользования, привычные для читателей прошлого, но часто непонятные современным школьникам: разрезной нож, пюпитр, переплетенные издания, экстра-иллюстрация, бальная книжка. Проводится сопоставление тождественных и разграничение смежных понятий (куп-папье, конторка, бальная карточка и др.). Описываются широко распространенные, востребованные и актуальные в XVIII–XIX столетиях, но почти забытые в настоящее время практики самостоятельного комплектования и оформления изданий читателем, специфика индивидуального подбора и размещения дополнительных текст изображений, особенности составления каталогов домашних библиотек. Описание иллюстрируется репродукциями произведений живописи русских и европейских художников, которые могут быть использованы учителем литературы в старших классах в качестве отдельно изучаемого либо вспомогательного наглядного материала. Предлагаются методические подходы включения информации о рассмотренных артефактах книжной культуры и читательских практиках в урочную деятельность и внеурочную работу – освоение в рамках элективных курсов по литературе XIX в., научно-учебной (в том числе проектной) деятельности старшеклассников; при подготовке докладов и презентаций, выполнении исследовательских проектов, организации дискуссий. Предлагаются проблемные, поисковые, творческие задания для школьников, связанные с книжными артефактами и направленные на углубленное понимание авторского замысла, авторской позиции, идейного содержания, системы образов, действий и поступков персонажей произведений русской литературной классики.

Ключевые слова: книжная культура, разрезной нож, книжный переплет, подставка для книг, пюпитр, экстра-иллюстрации, грэнджеризм, бальная книжка, бальная карточка

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Щербинина Ю.В. Книжные артефакты на страницах русской классики // Литература в школе. 2021. № 3. С. 96–107. DOI: 10.31862/0130-3414-2021-3-96-107

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-3-96-107

Yu.V. Shcherbinina

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Book artifacts on the pages of Russian classics

Abstract. The article focuses on the overview description of a number of artifacts of book culture related to the subject environment, library science, reading practices and found in the texts of works of the Russian literary classics as historical, interior, plot, psychological and other details. The article deals with the objects of everyday book use, familiar to readers of the past, but often incomprehensible to modern schoolchildren: a paper knife, a bookrack, unbound editions, extra-illustration, a ballroom book. The comparison of identical and related concepts (coupe-papier, desk, ball card, etc.) is carried out. It describes the widespread, popular and relevant in the XVIII–XIX centuries, but almost forgotten at the present time, the practice of self-completion and design of publications by the reader, the specifics of individual selection and placement of images that complement the text, the features of compiling catalogues of home libraries. The description is illustrated with reproductions of paintings by Russian and European artists, which can be used by a literature teacher in high school as a separate study or supporting visual material. Methodological approaches are proposed to include information about the considered artifacts of book culture and reading practices in the regular activities and extracurricular work – the development of elective courses on literature of the XIX century, scientific and educational (including project) activities of high school students; in the preparation of reports and presentations, the implementation of research projects, the organization of discussions. The author offers problem, search, and creative tasks for schoolchildren related to book artifacts and aimed at an in-depth understanding of the author's idea, author's position, ideological content, system of images, actions, and actions of characters in works of Russian literary classics.

Key words: book culture, paper knife, book binding, bookstand, bookrack, extra-illustrations, Grangerising (Grangerisation), a ballroom book, dance card

CITATION: Shcherbinina Yu.V. Book artifacts on the pages of Russian classics. *Literature at School*. 2021. No. 3. Pp. 96–107. (In Russ.). DOI: 10.31862/0130-3414-2021-3-96-107

Современного читателя произведений классической литературы порой немало удивляет упоминание архаических элементов, ушедших реалий, старинных практик, в том

числе относящихся к книжной культуре. В методике активно дискутируется проблема оскудения словарного запаса учащихся, непонимания ими многих историзмов, относящихся

к быту, поведению, общению людей прошлых эпох. Особую остроту данной проблемы ощущают учителя-словесники, вынужденные разъяснять школьникам особенности поступков литературных героев, так или иначе связанных с культурной архаикой. Если даже основательно начитанный ученик понимает семантику отдельного слова, общий смысл того или иного понятия, то часто затрудняется соотнести это понятие с конкретным эпизодом и целостным повествовательным контекстом и авторским замыслом.

Рассмотрим артефакты книжной культуры, хорошо известные читателям в прошлом, но часто непонятные нынешним школьникам, приведем примеры их функционирования в текстах произведений русской классики. Проиллюстрируем эти артефакты репродукциями живописи российских и зарубежных художников. Наметим основные методические возможности изучения рассмотренных понятий на уроках литературы в старших классах и во внеурочной деятельности.

«Делить страниц нетронутых ряды»

В романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» слуга подает Пьеру Безухову «разрезанную до половины книгу», а старый Болконский достает «новую, неразрезанную книгу»¹. В комнате Ситникова из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» валялись «толстые нумера русских журналов, большею частью неразрезанные». В поезде Анна Каренина достает из красного мешочка «разрезной ножик и английский роман». «Что

за нож такой? Зачем резать книги?» – недоумевает юный читатель.

До появления гидравлического прессы в типографиях книжные страницы фальцевались, но сгибы не разрезались. Сложенный в несколько раз лист со страницами будущей книги только прошивался, соединяясь с другими такими же листами в виде тетради. Обычно первые четыре страницы тетрадного блока соединялись сверху, а следующие четыре – сверху и сбоку. Читателю приходилось самому разделять страницы. Для этого применялись специальные *разрезные ножи* из непрочного металла, полированного дерева, поделочного камня, кости с клинком в форме удлинённого ромба. В отличие от канцелярских – предназначенных для вскрытия конвертов – их размер был чуть больше, а лезвие немного шире. В XIX – начале XX в. использовалось также обобщенное название *куп-панье* – калька с французского *coupe-papier*, нож для резки бумаги.

В прошлом это было так естественно и привычно, что отразилось в семантике: образованное от глагола *lire* («читать») французское слово *liseuse* означает и «нож для разрезания страниц», и «любительница чтения». Тот же ножик использовался и для помет на полях книги, и в качестве закладки. Так, Алексей Александрович Каренин раскрывает «на заложенном разрезным ножом месте книгу о папизме». Кутузов в «Войне и мире» также использует нож как закладку романа Фелисите де Жанлис «Рыцари Лебеда, или Двор Карла Великого».

В ознакомительной беседе со школьниками нелишне упомянуть и об отношении писателей к этому предмету. Так, у Оноре де Бальзака

¹ Здесь и далее фрагменты произведений художественной литературы – из Национального корпуса русского языка [2].

имелся разрезной нож с отделкой бриллиантами. Николай Чернышевский пользовался самодельным куп-папье. Александр Островский изготовил книжный ножик в качестве подарка с собственноручной подписью актеру Николаю Чаеву.

Нож для разделения страниц вводится в художественный текст не только как историческая или интерьерная, но и «говорящая» психологическая деталь – емко и лаконично передавая эмоциональные состояния, душевные переживания, мысли и намерения персонажей. Погруженная в тяжкие думы Анна Каренина «оставила книгу и откинулась на спинку кресла, крепко сжав в обеих руках разрезной ножик». Далее в том же эпизоде героиня «презрительно усмехнулась и опять взялась за книгу, но уже решительно не могла понимать того, что читала. Она провела разрезным ножом по стеклу, потом приложила его гладкую и холодную поверхность к щеке и чуть вслух не засмеялась от радости, вдруг беспричинно овладевшей ею».

Человека, который собирал книги лишь из жадности либо ради хвастовства, можно было опознать по неразрезанным томам, а неряху или торопыгу – по надорванным страницам в отсутствие ножа. Так что включение этого аксессуара в предметную среду, помимо прочего, еще и ненавязчивый изящный способ привлечь читательское внимание к характеру и поведению персонажа.

Вспомним показательную сцену из романа И.А. Гончарова «Обломов». Илья Ильич «сел к столу, развернул какую-то книгу, прочел лист, хотел перевернуть, книга оказалась неразрезанной. Обломов разорвал листы пальцем: от этого по краям листа образовались фестоны, а книга чужая,

Штольца, у которого заведен такой строгий и скучный порядок, особенно насчет книг, что не приведи Бог! Бумаги, карандаши, все мелочи – как положит, так чтоб и лежали. Надо бы взять костяной ножик, да его нет; можно, конечно, спросить и столовый, но Обломов предпочел положить книгу на свое место и направиться к дивану».

В пьесе А.П. Чехова «Чайка» неразрезанный том изящно обыгрывается как «разоблачающая» деталь. Листая журнал, Треплев замечает в адрес Тригорина: «Свою повесть прочел, а моей даже не разрезал». Герой чеховской повести «Моя жизнь» сетует на редкое посещение горожанами публичной библиотеки, «так что журналы и новые книги по месяцам лежали неразрезанными».

Образ книги с неразделенными страницами может быть и хронологическим маркером, позволяющим восстановить ход событий, реконструировать действия персонажей. В романе Гончарова «Обрыв» Райский, обнаружив множество неразрезанных томов разных авторов, логически заключает, что «владельцы не успели прочесть их».

Еще любопытнее, когда в качестве разрезного ножа используются предметы иного предназначения. Так, в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» Рогожин уверяет Мышкина в том, что разрезает книги садовым ножом. Этот «довольно простой формы ножик, с оленьим черенком, нескладной, с лезвием вершка в три с половиной» сыграт затем ключевую роль в повествовании как одновременно психологическая, сюжетообразующая и знаковая деталь.

Литературные представления старших школьников можно расширить

поэтическим материалом – например стихотворениями Валерия Брюсова («Пускай мой друг, разрезав том поэта, / Упьется в нем и стройностью сонета, / И буквами спокойной красоты»); Алексея Сидорова («Люблю ножом из пожелтевшей кости / Делить страниц нетронутых ряды»).

Рис. 1. Константин Маковский. Портрет Юлии Павловны Маковской, 1881

Хорошим подспорьем для наглядного ознакомления станут портреты и натюрморты мастеров живописи позапрошлого века (рис. 1–4).

Рис. 2. Илья Репин. Портрет Веры Репиной, 1878

Рис. 3. Мария Башкирцева. Девушка, читающая «Вопрос о разводе» Александра Дюма, 1880

Рис. 4. Анри Фантен-Латур.
Натюрморт с куп-папье, 1860

Изготовленный по индивидуальным заказам из дорогих материалов куп-папье становился произведением декоративно-прикладного искусства и служил изящным аксессуаром, предметом коллекционирования и популярным сувениром. Среди приятных приобретений князя Щербацкого из «Анны Карениной» – «разрезные ножики всех сортов, которых он накупил кучу на всех водах, и раздавал их всем».

Учащиеся могут выступить с краткими устными сообщениями, обзорными докладами, слайдовыми презентациями на уроке литературы на тему «История ножа для книг»; подготовить исследовательский проект «Разрезной нож в литературе: простая непростая деталь». Старшим школьникам посоветовано провести самостоятельные разыскания в сети Интернет и сделать тематическую подборку визуальных материалов: репродукций картин, музейных и выставочных фотографий, аукционных лотов. Интересно также поработать с библиотечными плакатами советского времени, например: «Как нужно разрезать книгу: не пальцем, не спичкой, а ножом» (1929).

Чтение с комфортом

Среди предметов, связанных с повседневным книжным обихо-

дом, привлекают внимание пюпитры. Заимствованное из французского языка, это слово восходит к латинскому *pulpitum* – «дощатый помост», «возвышенное место». Сейчас так называют преимущественно держатели для нот, а прежде пюпитрами именовались еще и настольные подставки для книг. Стандартный пюпитр представлял собой регулируемую по высоте и наклону деревянную или металлическую рамку, на которую помещалась книга относительно большого размера. Пюпитры с «расширенным функционалом» включали выдвижные панели для параллельного чтения нескольких томов, встроенные ящички для документов и писчих принадлежностей, полочки для хранения писем и всяких комнатных мелочей. В отличие от разрезного ножа, эта вещь изначально понятнее школьникам, однако целесообразно дать им не только словесное, но и наглядное представление о том, как выглядели старинные пюпитры, как осуществлялось с их помощью чтение, какая психологическая атмосфера ему соответствовала (рис. 5, 6).

Рис. 5. Маргарет Сара Карпентер.
Сестры, 1839

Рис. 6. Иоганн Райтер. Урок, ок. 1890

Прежде всего, это неторопливое, размеренное, вдумчивое и сосредоточенное чтение в камерной, кабинетной обстановке. В той же «Анне Карениной» Львов читает «книгу, стоявшую на пюпитре». Левин демонстрирует пюпитр с лежащей на нем грамматикой Буслаева. Вронский описывает аскетичное убранство комнаты, в которой «будет пюпитр, стол, шкаф и больше ничего». Пюпитр нередко служил и неким интимным местом, тайником, хранилищем особых текстов – деловых бумаг, личных дневников, скрывааемых от посторонних глаз стихотворных опытов. Так, в «Идиоте» генерал Епанчин многозначительно упоминает свои записки, спрятанные в пюпитре.

Компактная подставка для книг служила также для удобства письма. Для ведения беглых заметок она могла размещаться на коленях – как это показано на портрете графини де Жанлис (рис. 7), роман которой читал Кутузов

в «Войне и мире». Пюпитром иногда называли ученическую парту с откидной крышкой. Упоминание об этом находим в толстовской «Юности» («Я сел на место Оперова, положил на пюпитр свои тетради»).

Рис. 7. Софи Шерадам.
Портрет мадам де Жанлис, 1821

Пюпитр неоднократно упоминается и в жизнеописаниях Льва Толстого: писатель работал за ним стоя, уставая от долгого сидения. Такая стойка с наклонной столешницей называется еще *конторка*. Как памятный предмет, мемориальная деталь она фигурирует в «Обломове» (описание комнаты Штольца): «Здесь же нашла место и высокая конторка, какая была у отца Андрея». Как характерные элементы купеческого быта конторки присутствуют в пьесах А.Н. Островского «Бедность не порок», «Сердце не камень», «Не было ни гроша, да вдруг алтын» и др.

Как сатирическая деталь пюпитр обыгрывается в рассказе А. Аверченко «Господин Цацкин»: «– Мне некогда. Я очень устал, а мне предстоит еще утомительная работа: писать статью... – Утомительная? – сочувственно спросил господин Цацкин. – Я вам скажу, что она утомительная потому, что вы до сих пор не приобрели нашего раздвижного пюпитра для чтения и письма. Нормальное положение, удобный наклон... За две штуки 7 рублей, а за три – 10».

Можно предложить школьникам сравнить старинные подставки для книг с современными, выявить сходства и различия во внешнем виде, материалах, функциональных особенностях; подготовить обзорный доклад со слайдовой презентацией о разновидностях, конструкциях, оформлении подставок для книг в разные эпохи; пофантазировать и придумать дизайн пюпитров для разных литературных героев – сообразно их характеру, поведению, мировоззрению.

Попасть в переплет

Нередко учащиеся испытывают трудности понимания, встречая в художественном тексте упоминания непереpletенных книг. Или, напротив, особое авторское упоминание о наличии у издания переплета. «Павел Петрович взял с комода замасленную книгу, разрозненный том “Стрельцов” Масальского, перевернул несколько страниц». Что за том такой в «Отцах и детях»? Анна Каренина берет «переpletенную сафьянную книгу». А разве бывают книжки без переpletов?

«Тотчас я послала нашу кухарку, старуху Матрену, узнать, что стоит весь Пушкин. Беда! Цена всех одиннадцати книг, присовокупив сюда издерж-

ки на переплет, была по крайней мере рублей шестьдесят». Почему за переплет надо платить отдельно? – удивляется современный читатель романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди».

Еще большее недоумение вызывает вопрос Marie в «Бесах» Достоевского о том, «почему здешний читатель не станет переpletать» книгу. Ответ Шатова мало способствует пониманию, а то и вовсе сбивает с толку: «Потому, что читать книгу и переpletать – это целых два периода развития, и огромных. Сначала он помаленьку читать приучается, веками, разумеется, но треплет книгу и валяет ее, считая за несерьезную вещь. Переplet же означает уже и уважение к книге, означает, что он не только читать любил, но и за дело признал. До этого периода еще вся Россия не дожила. Европа давно переpletает».

Рассказываем школьникам о том, что в старину книги часто выпускались без переплета, их надо было «комплектовать» вручную. В зависимости от вкуса и достатка читателя, а также формата и назначения издания подбирались переpletные материалы, декоративные элементы и даже иллюстрации. В «Детстве» Толстого среди книг, принадлежащих Карлу Ивановичу, фигурирует «немецкая брошюра об унавоживании огородов под капусту – без переплета».

Не нужно путать с утратой обложек из-за неаккуратного обращения! В той же повести встречаем лежащие в детской комнате «корочки без книг и книги без корочек». Почему они разлучены? «Все туда же, бывало, нажмешь и всунешь, когда прикажут перед рекреацией привести в порядок библиотеку», – покаянно поясняет повествователь.

В середине XVIII в. лондонский библиофил Джеймс Грэйнджер задал моду на самостоятельный подбор коллекционерами гравюр и акварелей в качестве книжных иллюстраций. Такая практика получила название *грэйнджеризм* (англ. *Grangerising, Grangerisation*), а ее поклонники получили прозвище «черно-белые люди» [5], поскольку изображения были преимущественно монохромными (рис. 8).

Рис. 8. Луи-Леопольд Буальи. Коллекционеры любительских изданий, 1810

В зарубежном книговедении изображения в книге, самостоятельно подобранные, а иногда и собственноручно выполненные читателем, обобщенно называются *экстра-иллюстрациями* – англ. *extra-illustration* [6; 7]. Чаше всего ими оформляли исторические, географические, биографические и мемуарные сочинения. В книжных лавках и на букинистических развалах

гравюры и акварели лежали в отдельных папках, развешивались на стенах у входа в книжный магазин (рис. 9). Иногда продавались в специальных киосках (рис. 10).

В прошлом книгочеи могли попробовать себя не только в роли иллюстраторов и переплетчиков, но также

Рис. 9. Густав Давид. Любитель графики, XIX в.

Рис. 10. Эдуардо Леон Гарридо. Киоск у Сены, XIX в.

библиографов. Выпускались издания, в которых на одной из пустых страниц было вертикально напечатано заглавие книги – чтобы читатель мог вырезать и использовать его в домашней библиотеке как ярлычок на корешке либо как торчащий язычок на внутренней стороне обложки. Домашнюю библиотечку упорядочивали не только составлением перечня изданий, но и маркировкой самих томов. Так, в чеховской «Палате № 6» Рагин «составлял подробный каталог своим книгам и приклеивал к их корешкам билетки, и эта механическая, кропотливая работа казалась ему интереснее, чем чтение».

Помимо собственно комментирования и разъяснения текстовых фрагментов, связанных с описанными практиками, школьникам можно дать задание вообразить себя «черно-белыми людьми» и словесно «скомплектовать» издание какого-либо литературного произведения из школьной программы: выбрать материал для переплета, описать элементы декоративного оформления, подобрать иллюстрации. Задание целесообразно представить как ярмарку идей или конкурс творческих проектов.

В вихре танца

В повести А.И. Куприна «Гранатовый браслет» есть развернутый фрагмент с описанием необычного предмета. Анна «достала из своего ручного мешочка маленькую записную книжку в удивительном переплете: на старом, стершемся и посеревшем от времени синем бархате вилял тускло-золотой филигранный узор редкой сложности, тонкости и красоты, – очевидно, любовное дело рук искусного и терпеливого художника».

Восхищаясь изящным подарком, Вера называет его «дамским *carnet*», что в большинстве изданий повести переведено с французского как «записная книжка». Однако из авторского описания следует, что «книжка была прикреплена к тоненькой, как нитка, золотой цепочке, листки в середине были заменены таблетками из слоновой кости» – так что это, скорее всего, бальная книжка для записи танцевальных партнеров и названий танцев [1, с. 6]. Наряду с французским названием *carnet de bal* в ходу было немецкое название *Agenda*, вошедшее в речевой обиход благодаря роскошным и многолюдным венским балам, где эта вещь пользовалась особой популярностью. В России ее называли также просто *таблетка*.

Карне прикрепляли декоративным шнуром к запястью, пристегивали крючком к лифу бального платья или носили на цепочке веера [3, с. 496]. Изящное миниатюрное, оно умещалось в ладонь и выглядело как буклет с обновляемыми страницами, блокнот со сменными вкладышами, футляр с карточками или скрепленные пластинки – англ. *dance card*, нем. *Tanzkarte*. Позднее появились карне-подвески, которые носили на шейной цепочке [4, с. 87]. Записи делались тонким грифелем и потом стирались. В карне не только фиксировали информацию о балах, но и заносили тексты куртуазного содержания – романтические стихи, изящные афоризмы, любовные записки.

Бальная книжка нередко становилась подлинным произведением искусства, украшаясь эмалевыми росписями, портретными миниатюрами, ручной вышивкой. В музейных экспозициях и частных коллекциях

встречаются изысканные варианты – со встроенными часами, зеркалами, пудреницами, лорнетными стеклами. Изначально балльные книжки изготавливали на заказ, нередко используя подручные предметы. В повести Куприна карне сделано из старинного молитвенника, что придает ему статус символической художественной детали.

Рис. 11. Георг Давид Матье. Принцесса Софи Фридерике, сер. XVIII в.

Ознакомительную беседу с учащимися целесообразно дополнить рассказом «Бальная книжечка» Эмиля Золя, раскрывающим особое отношение к этому предмету в дворянском обществе и его функции в светском этикете. В качестве наглядных материалов можно использовать репродукции картин (рис. 11–12). С учетом эстетической привлекательности карне можно надеяться на живой интерес школьников к данному предмету и предложить им придумать визуальное (декоративное) оформ-

ление и содержательное (текстовое) наполнение карне: афоризмы, цитаты из литературных произведений, фрагменты собственных сочинений. Предложить творческое задание «дизайнерской разработки» карне для литературных героев – Татьяны и Ольги Лариных из «Евгения Онегина», княжны Мери из «Героя нашего времени», Элен Курагиной и Наташи Ростовской из «Войны и мира».

Рис. 12. Аксель Юнгстедт. Интерьер с молодой девушкой, читающей вслух из своей танцевальной карты, кон. XIX в.

В завершение обзора артефактов книжной культуры на страницах литературной классики отметим слабую изученность данного аспекта. Надеемся, что настоящая статья не только пополнит методическую копилку учителей-словесников, но и даст стимул для поисковой работы школьным библиотекарям.

Библиографический список

1. *Германов В.Г.* Танцевальный словарь: танцы балов и дискотек. Уфа, 2009.
2. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 21.01.2021).
3. *Ротко Т.В.* Миниатюрная книга: формы бытования в социально-культурном пространстве // Культура. Наука. Творчество: сборник научных статей XII Международной научно-практической конференции. Минск, 2018. С. 494–501.
4. *Чаленко Н.В.* «Записать, чтобы не забыть». Книги для записей из фондов музея книги РГБ // Про книги. 2013. № 2 (26). С. 78–89.
5. Extra-illustration // Ashmolean: Retrieved. 3 January 2016.
6. *Jackson H.* Marginalia: Readers Writing in Books. New Haven: Yale University Press, 2001. Pp. 186–187.
7. *Peltz L.* Facing the Text: Extra-Illustration, Print Culture, and Society in Britain, 1769–1840. San Marino, California, 2017.

References

1. Germanov V.G. *Tantsevalnyy slovar: tantsy balov i diskotek* [Dancing dictionary: ball and discoteque dances]. Ufa, 2009. (In Russ.)
2. Russian National Corpus. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (In Russ.)
3. *Rotko T.V.* Miniature book: forms of existence in socio-cultural space. *Kultura. Nauka. Tvorchestvo. Sbornik nauchnykh statey XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Minsk, 2018. Pp. 494–501. (In Russ.)
4. *Chalenko N.V.* “Write it down so as not to forget”. Books for records from the collections of the RSL Book Museum. *Pro knigi*. 2013. No. 2 (26). Pp. 78–89. (In Russ.)
5. Extra-illustration // Ashmolean: Retrieved. 3 January 2016.
6. *Jackson H.* Marginalia: Readers Writing in Books. New Haven: Yale University Press, 2001. Pp. 186–187.
7. *Peltz L.* Facing the Text: Extra-Illustration, Print Culture, and Society in Britain, 1769–1840. San Marino, California, 2017.

Статья поступила в редакцию 25.03.2021, принята к публикации 20.04.2021

The article was received on 25.03.2021, accepted for publication 20.04.2021

Сведения об авторе / About the author

Щербинина Юлия Владимировна – доктор педагогических наук, доцент; профессор кафедры риторики и культуры речи Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Julia V. Shcherbinina – ScD in Education, Associate Professor; Professor at the Rhetoric and Culture of Speech Department, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: jscherbinina@yandex.ru